

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 821.512.1

**Проблема «отчуждения» в повести
Г. И. Варламовой / Г. Кэптукэ
«Мой папа – Санта Клаус»**

Иванова Э.В.¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы отчуждения эвенков от традиционной культуры в произведении Г.И. Варламовой, написанном под псевдонимом Галина Кэптукэ «Мой папа – Санта Клаус» (2010). В статье приводятся исторические предпосылки идеологического, экономического и социального характера, повлиявшие на судьбу эвенкийского этноса в XX веке. Осмысляя назревшую проблему, Г.И. Варламова / Г. Кэптукэ прибегает к художественной форме сновидений героя, использует характерный для сновидений мотив превращения, обращается к фольклорному жанру былички, показывая через них, что утрата связи с родной культурой ведет к утрате смысла жизни героем, неспособным найти свое место в новом мире. Преодоление указанного кризиса Г.И. Варламова / Г. Кэптукэ видит в верности родовым ценностям, в возрождении связи с национальной культурой.

Ключевые слова: Эвенкийская литература, одиночество героя, эвенкийский этнос, проблема отчуждения в литературе, традиционная культура эвенков

**The Problem of Alienation in the story
“My Fahter is Santa Claus” by G.I. Varlamova / G. Keptuke**

Ivanova E.V.¹

Abstract. The article addresses the issue of alienation of the Evenks from their traditional culture in the literature work 'My Father is Santa Claus' by G. I. Varlamova, who wrote the story under the pen-name of G. Keptuke. The article provides the historical background as a complex of ideological, economic, social factors that had a dramatic influence on the Evenk ethnos in 20th century. Interpreting the above-mentioned problem, G. I. Varlamova / G. Keptuke employs the artistic form of the dream, applies the motive of transfiguration, which is characteristic of dreams, uses the folklore genre of bylichki. All these serve to the purpose of revealing the main character's losing meaning of living, his inability to find himself in the new world after disconnecting with the traditional Evenk culture. G. I. Varlamova / G. Keptuke believes that the crisis can be overcome if one sticks to traditional values and culture of their people.

Keywords: Evenk literature, solitude of the character, the Evenk ethnos, the problem of alienation in literature, traditional Evenk culture

¹*Иванова Эльвира Васильевна, кандидат филологических наук, доцент РГПУ им. А.И. Герцена, Институт народов Севера. пр. Стачек, 30, 198097, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.*

Ivanova El'vira Vasil'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of the Peoples of the North of the Russian State Pedagogical University named after Al Herzen. Stachek ave., 30, 198097, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: tekenmi@mail.ru

© Э.В. Иванова

Эвенкийская писательница Галина Кэптукэ в своем творчестве поднимает проблемы, связанные с сохранением родной культуры и этнического самосознания, являющимися залогом благополучного существования этноса и человека в современном мире. В повести «Мой папа – Санта Клаус» прослеживаются истоки проблемы отчуждения, проявляющейся в состоянии тоски и одиночества одного из героев Анатолия / Чульчимы - и его преодоления. Судьба Анатолия – судьба многих современников писательницы, оказавшихся на перепутье в XX веке. С одной стороны, духовная основа традиционной

культуры утратила для них свою актуальность, с другой – они не сумели найти свое место в «новом» цивилизационном мире. Здесь необходимо сказать о том, что в истории эвенкийской литературы в творчестве Алитета Немтушкина впервые в 60-е годы прошлого века была намечена тенденция, свидетельствующая о внутренней двойственности в образе лирического героя. С одной стороны, лирический герой привязан к родной земле: «Ты в сердце нетленна, / о, Непа / ...Сверкаешь, как звездный осколок, / Как бубен, грохочешь ты крепкий. / Ты в снах не даешь мне покоя, / о, Непа /... Там ветры шаманят, / Их силу испробовал сам я. / ...Там прожито столько!» [8, с. 24]. В то же время поиск счастья лирическим героем обусловлен неудовлетворенностью настоящим: «Что изменится в судьбе? / Где тропа заветная / Не тоскливо ли тебе, / Сердце мое бедное» [там же, с.14]. Другие эвенкийские авторы также не оставили без внимания наметившийся уход молодого поколения от традиционной культуры своего этноса (В. Лоргоктоев «Письмо матери» (1979) [7], Д. Апросимов «Люди сюда вернуться» (1981) [1], Н. Калитин «Возвращение» (1982) [5]). Драматизм сложившейся этнокультурной ситуации в полной мере был художественно осмыслен в прозе Алитета Немтушкина и Галины Кэптукэ позднее, когда отчетливо проявилось отчуждение современников от духовных основ и традиций эвенков. Необходимо подробнее осветить предпосылки, обусловившие отчуждение эвенкийского этноса от традиционного образа жизни.

В советский период большое влияние на существование эвенкийского этноса сыграла образовательная политика, переход на оседлый образ жизни, в практическом воплощении которого немалую роль сыграло укрупнение населенных пунктов, а также промышленное освоение районов Севера. В 50-е годы правительство, поддерживая развитие традиционных отраслей (Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», 1957), также способствовало внедрению земледелия, животноводства и клеточного звероводства [6]. В этой связи В.Н. Увачан справедливо указывал на необходимость учитывать особенности местного климата и национальной специфики, то есть заниматься оленеводством и охотой [11]. Журналист Ю. Шебалин считал, что реорганизация колхозов в совхозы (1969) послужила причиной появления среди оленеводов «психологии

отчуждения» [10, 53 — 54]. Это привело к тому, что поголовье оленей стало сокращаться (1964 — 58,8 тыс., 1974 — 39,8 тыс., 1984 — 30,2 тыс.). Вместе с тем, в 60-е годы уделялось внимание качественному улучшению жизни в кочевых условиях. Так, например, В.А. Туголуков предлагал для оленеводов, охотников и рыболовов строить промежуточные стационарные базы по маршруту следования, состоящие из жилых домов, бани и служебных помещений [9].

В 70-е годы прошлого столетия среди эвенков возросло число рабочих, служащих и работников партийных организаций [4]. Согласно исследованиям В.И. Бойко и Н.В. Васильева, проведенным среди выпускников школ эвенов и эвенков Якутии в 1973 — 1974 уч/г., выяснилось, что они главным образом были ориентированы на получение специальностей, не связанных с оленеводством и охотой. Последним отдали предпочтение только 23% учащихся. Причем если родители и расхотелись во мнении относительно будущей профессии детей, то «в ориентациях на оленевода у обоих практически полное единодушие — родители не хотели бы, чтобы их сын или дочь выбрали эту профессию» [2, 129]. Данный пример наглядно демонстрирует изменения в социальной структуре общества эвенков, все большую их вовлеченность в «новый» мир.

Приведенный небольшой экскурс в социокультурную историю эвенков 20 века позволяет увидеть причины, послужившие уходу молодежи от традиционного образа жизни. Опрос В.И. Бойко и Н.В. Васильева показал, что не только юноши и девушки, а также их родители положительно относятся к выбору иного образа жизни. И это не случайно, ведь последние в большинстве своем относились к молодым людям, получавшим образование в 60-е годы прошлого века, когда понятие престижности стало связываться с наличием профессии, комфортных условий существования, заметно отличающихся от «жизья-бытья» в чуме. Эвенки сознательно стали использовать в качестве средства коммуникации русский язык, отказываться от ношения традиционной одежды, религиозные верования потеряли для них свою актуальность. Уже в 90-е годы, когда стало очевидным исчезновение многих элементов эвенкийской культуры, представители этого поколения стали принимать участие в мероприятиях, направленных на сохранение языка и обычаев. Возможно, какую-то роль в их возвращении к истокам сыграла конъюнктура

времени, а, может быть, и тот факт, что с возрастом человеку становится интересным мир его предков, проявляется т. н. зов крови. Причем, отказ от эвенкийского языка связывается ими с нежеланием молодежи изучать его, а не с тем, что в свое время они сами в быту перестали на нем говорить в силу разных причин. При этом надо признать, что сегодня на обыденном уровне в эвенкийском обществе не вполне осознается пагубность забвения традиционных ценностных основ бытия этноса, как правило, обеспечивающих гармоничность его существования. Но иное дело литература, когда художники слова в своем творчестве предугадывают и раскрывают развитие различных тенденций во взаимоотношениях общества и личности, мироощущении своих персонажей и пр..

Обратимся к повести Г. Кэптукэ «Мой папа — Санта Клаус». Двойное имя героя Анатолий / Чульчима свидетельствует об его отчуждении как от внешнего мира, так и от самого себя. Автор произведения, будучи специалистом в области родного языка и фольклора, дает в тексте необходимый комментарий относительно слова Чульчима «...дух с хитрецей, обманщик и плут» [3, с. 203]. Раньше у эвенков нравственное поведение регламентировалось сводом правил Иты, их нарушение могло привести к изгнанию человека из родового сообщества. Превращение Анатолия в Чульчиму произошло в тот момент, когда он оправдал свой постыдный поступок. Бессовестно пропив заготовки для унтов своих клиентов, бамовцев, Анатолий испытывает стыд, злость, а затем убеждает себя в том, что бамовцы сами за бесценок скупают у эвенков эти заготовки. Итогом стало бегство из Уркимы. В эвенкийском языке есть устойчивое выражение «дэрэе ачин / без лица», которое употребляют по отношению к человеку, совершившему нехороший поступок. В его выборе утрачивает актуальность нравственная норма, основанием которой является уважение к другому. Так герой Кэптукэ «потерял свое лицо», перешел черту, за которой разрешено все, отграничив таким образом себя от внешнего мира.

Отчуждение от себя самого в Чульчиме проявляется в следующей взаимосвязи: отсутствие смысла жизни и отказа от активной позиции по устройству своей судьбы. Ситуации, в которых оказывается герой Г. Кэптукэ, совершаемые им поступки, а также его речевое поведение позволяют обнаружить следующие признаки отчуждения: тоску и одиночество.

Чульчима в отличие от эпического богатыря, который всегда направляется в путешествие с определенной целью (найти другого богатыря, узнать, кто еще живет на земле, обрести невесту), бесцельно бродит по Сибири. Так, например, в героическом сказании богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде отправляется на поиски своей сестры Солкондор, которую унесли обитатели нижнего мира в невесты своему богатырю. Он отправляется в западную сторону, оказывается в нижнем мире, после длительного боя с богатырем нижнего мира вызволяет свою сестру [13]. Другими словами, необходимость путешествия богатыря определяется какой-то целью и имеет смысл. Скитания Анатолия от поселка к поселку, на первый взгляд, были обусловлены стремлением избавиться от бедности и неустроенности, которую он наблюдал в эвенкийских поселках. Поэтому вместо охоты он находит себе применение в других профессиях (шофер, скорняк, дизелист), но «...приходила непонятная тоска, она постепенно накапливалась и заполняла его» [3, с. 199]. Его одиночество не скрашивает женитьба. Женой ему становится русская женщина Люба. Переезд на ее родину, работа мотористом, обустроенный быт со временем начинали тяготить Анатолия: «...от бензина тошнило, дом стал неуютен, а Люба начала раздражать» [6, с. 197]. Разорванность мироощущения героя Кэптукэ, на небольшой период сглаживается дорогой, в которую он направляется всякий раз, устав от себя и от жизни.

В повести в качестве способов раскрытия причин отчуждения и его преодоления автором используются художественная форма сна, а также фольклорный жанр былички (рассказы о мистических случаях, произошедших с человеком в тайге). В снах персонажей может изображаться внутренняя жизнь персонажа, в зависимости от замысла автора они выполняют сюжетобразующую функцию в повествовании. Структурно сны имеют границы, фиксируются его начало или конец. Особое время-пространство подчеркивается автором в том, что он стремится указать на нереальность событий, пережитых героем; вводит описания деталей, подчеркивающих разницу между сном и явью [12 с. 24- 25]. В произведении Г. Кэптукэ названные особенности литературных сновидений отчетливо прослеживаются. Так, например, подавленность, уныние, тоска, угнетающие Анатолия / Чульчиму, находят свое объяснение в его снах. Амулет – родовая святыня, сожженная

им, часто снится ему. Он, глядя на Анатолия / Чульчиму глазами бусинками говорит ему: «Я должен был оберегать тебя. Я должен был быть твоей удачей, твоим счастьем в жизни. Зачем ты сжег меня?» [3, с. 196]. Герой сознательно отказался от оберега (идола, сделанного из березового корня), передававшегося из поколения в поколение в роду Пуягир. В молодости ему казалось невежеством в современную эпоху хранить вещи, связанные с «непонятной» стариной. Так Анатолий / Чульчима сжег корень своего рода. Впоследствии он осознает, что его жизненная неудача обусловлена сожжением не кусочка березового дерева, а родовой святыни.

Введение Г. Кэптукэ сновидений в структуру повести позволяют ей раскрыть причины отчуждения, приведшие к кризисному состоянию Анатолия / Чульчиму. Один из его снов метафорично передает атмосферу 30-х годов прошлого века, когда переход звенков на оседлый образ жизни признавался в качестве прогрессивного этапа в истории этноса. Чульчима «приснилось ..., что он на суде, где судят крикву» [3, с. 233]. Криква жила в 30-е годы, в качестве судьи выступает большой и яркий попугай, птица, прилетевшая из жарких стран. Он говорит: «Вот ты, криква, скажи, почему ты не хочешь перейти на оседлый образ жизни? Тебе была спущена директива сверху, что ты должна жить как все порядочные птицы, ...не перекочевывая с места на место. А ты противишься...Ты – враг своего народа» [там же, с. 234]. Перевод на оседлость со временем привел к тому, что для молодого поколения перестал быть привлекательным образ жизни их предков. Чульчима, оказавшийся в интернате, поначалу скучал по родителям и родной тайге, но по окончании школы совершенно утратил связь с родным очагом. При этом он не смог найти себя и в новой реальности. Г. Кэптукэ в своем произведении также использует мотив превращение, характерный для литературных сновидений: «Когда Анатолий заснул, он вдруг превратился в лемминга» [там же, с. 246]. Он живет под землей, выбравшись на свежий воздух, лемминг-Анатолий видит, что леммингизвенки, его земляки, бегут к спиртовой луже. Этот бег герой называет «бегом к смерти». Таким образом автор, используя художественную форму сна, осмысляет последствия социокультурной ситуации, сложившейся в 20 веке, обусловившей утрату связи современников с родной культурой.

Изображая драматизм отчуждения своего героя, Г.Кэптукэ в то же время показывает спасительный путь, ведущий к обретению внутренней гармонии героем. В одном из эпизодов повести использование автором фольклорного жанра былички позволяет раскрыть традиционные мировоззренческие представления этноса. Анатолий, устав от интерната, решил бежать в тайгу к отцу. На третий день побега он вдруг услышал голос, который говорит ему о нити жизни, соединяющей человека с окружающим миром, совесть названа «пульсом души» [там же, с. 219]. Если человек становится бессовестным, то его нить жизни истончается. Судьба героя свидетельствует о том, что забвение традиционных нравственных норм, обусловило его падение. Впоследствии он, вспомнив об этом, начинает задумываться о смысле жизни. Образы хозяйки реки Энекэ Аччекай и сына Неба-отца в снах Анатолия также выполняют функцию его спасителей. Анатолий под звуки шаманского бубна превращается в Красного паучка: невидимые нити натягивались в его теле, затем сплелись в «девятимотанную скрученную веревку-нить» [там же, с. 315]. Сын Неба-отца говорит Анатолию: «...торопись оставить о себе след, но след достойный. Например, как Умусликэн-Красный паучок» [там же, с. 318]. Умусликэн является одним из первопредков в эпосе эвенков. Совет сына Неба-отца, полученный во сне, предопределил дальнейшие события в повести Г. Кэптукэ. Анатолий обретает смысл жизни, вернувшись в тайгу.

Таким образом, Г. Кэптукэ в своей повести прослеживает жизненный путь героя, оказавшегося между двумя цивилизационными мирами: технологичном и традиционно-патриархальном. Результатом этого «между» явилось отчуждение Анатолия / Чульчимы, ведущее к его нравственному падению. Вместе с тем, автор утверждает, что только при условии сохранения традиций возможно гармоничное существование человека в современном мире.

Список литературы и источников

1. Апросимов Д. Три родника: Стихотворения. / Пер. с эвенкийского Романова Б. и Сиротина Б. – М.: Современник, 1981. – С. 80.

2. Бойко В.И., Васильев Н.В. Социально-профессиональная мобильность эвенков и эвенов Якутии / Отв. ред. А.П. Окладников. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981. – С. 175.
3. Варламова Г.И. / Г. Кэптукэ. Мой папа – Санта Клаус. – Якутск: Бичик, 2010. – С. 368
4. Гурвич И.С. Заключение // Этническое развитие народностей Севера в советский период / Отв. ред. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1987. – С. 214-221.
5. Калитин Н. Слушай моя тайга: Стихи / Пер. с эвенкийского. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – С. 210.
6. Лебедев В.В., Симченко Ю.Б. Социально-экономическое развитие Севера и этнические процессы в этом регионе в 1940-1980-х годах // Этническое развитие народностей Севера в советский период / Отв. ред. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1987. – С. 91-108.
7. Лоргоктоев В. Оленьи тропы: Стихи. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1979. – С. 61.
8. Немтушкин А. Судьбы начало: стихи. – Красноярск: Кн. Изд-во, 1969. С. – 30
9. Туголуков В. Развитие малых народов Севера в современных условиях. – М.: Наука, 1964. – С. 9.
10. Шебалин Ю.А. Эвенкийские далекие костры.... – Красноярск: Книжное издательство, 1990. – С. 181.
11. Увачан В.Н. Переход к социализму малых народов Севера (По материалам Эвенкийского и Таймырского национальных округов) / Под ред. М.А. Сергеева. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – С. 182.
12. Федунина О. В. Поэтика сна. – М.: Intrada. – С. 196.
13. Эвенкийские героические сказания / сост. А.Н. Мыреева.- Новосибирск: Наука, 1990. – С. 392.